

А.А. УЛЬДАНОВ*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ НАРРАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ, ФУНКЦИЙ И СТРАТЕГИЙ¹

Аннотация. Парламент является местом, где озвучиваются конкурирующие нарративы, служащие инструментом в борьбе за формирование политической повестки дня и распределение государственных ресурсов. Эти нарративы включают в себя сюжет, персонажей, отсылки к актуальным событиям и мораль, которая указывает на решение проблемы. То, как они формулируются и преподносятся, может влиять на расстановку политических приоритетов, распределение ответственности и формулировку решений. Рассматривая их использование в парламентских дебатах и дискуссиях, мы можем выявить, как строится или разрушается консенсус между парламентариями, а также как складываются дискурсивные монополии, задающие тон самому формату обсуждения каких-то действий или событий. В данной статье рассматриваются подходы к нарративному анализу парламентского процесса, структурируется функционал политических нарративов в парламентских обсуждениях, описывается их значимость для формирования политической повестки дня, а также выделяются основные нарративные стратегии, применяемые в рамках парламентских дебатов.

На основе уже существующих исследований, представленных в зарубежной и отечественной литературе, данная работа указывает на то, что исследование нарративов, используемых в парламентских процессах, предлагает функциональную основу для анализа поляризации и политизации проблем, стоящих на повестке дня, выявления сложившихся дискурсивных монополий и стратегий взаимодействия парламентариев с разными аудиториями по разным категориям

---

* **Ульданов Артём Александрович**, старший преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), email: auldanov@hse.ru

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

вопросов. Подчеркивая дискурсивную природу целеполагания и смыслообразования, а также роль повествования в парламентских дебатах, делается попытка выявить те основные нарративные элементы и стратегии, которые могут служить заделом для создания инструментов оценки качества парламентских процессов и моделей дискурсивного внутрипарламентского взаимодействия.

Ключевые слова: парламентаризм; парламентские дебаты; политические нарративы; дискурс; стратегическое конструирование нарративов; политические процессы.

Для цитирования: Ульданов А.А. Политические нарративы в парламентских дебатах: подходы к анализу нарративных элементов, функций и стратегий // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 66–86. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.03>

Введение

Говоря о парламентаризме, чаще всего удобнее опираться на его характеристики, а не на конкретное определение, которого не сложилось из-за многогранности самого концепта. Эти характеристики, включающие функционирующее разделение властей, приверженность принципам верховенства права, свободу слова и свободные выборы, указывают не только на тесную связь парламентаризма и представительной демократии, но и его значение для демократии децентрализованной. Парламентаризм не отождествляется только с наличием института парламента, а является совокупностью взаимосвязанных элементов, которые обеспечивают возможность открытого обсуждения различных проблем и их решений на парламентской площадке.

Исследования парламентских дебатов и их нарративных составляющих могут иметь большое значение для ответа на вопрос о состоянии и характеристиках парламентского процесса в политических системах разных стран. «Лингвистический поворот», связанный с работами Л. Витгенштейна и Дж. Остина [Ильин, 2023], – явление в социальных науках не новое. В начале 1990-х годов случился и более специализированный для политической науки «аргументативный поворот» [Fischer, Forrester, 1993; Hajer, 1995], посвященный значительной роли дискурса и аргументации в практике анализа политики, и их важности для лучшего понимания динамики ее формирования. В российской литературе системную попытку использования теории политической лингвистики для анализа дискурсивных практик парламентов разных стран пред-

приняли [Правикова, 2005], а также [Алферов, Кустова, Червоный, 2016]. Кроме того, важную роль занимают и исследования, касающиеся нарративов в символической политике и методологических аспектов их анализа [Malinova, 2022; Тульчинский, 2019]. В зарубежной литературе можно отметить целый ряд работ, касающихся нарративов и дискурса как элементов парламентской системы: например, о нарративах в делиберативных демократиях [Boswell, 2013], о дискурсе политических дебатов [Fenton-Smith, 2008] или нарративах как дополнительном инструменте легитимации принятых Конгрессом США решений [Jacobs, Sobieraj, 2007]. В целом тема роли и структуры нарративов представлена с позиций и лингвистики, и политологии, и других социальных и гуманитарных наук. В этом отношении смещение акцента в сторону непосредственно политических нарративов с большим вниманием к повествованиям об актуальной политике видится интересным дополнением к уже существующему корпусу знаний. Данная статья концентрируется на следующих вопросах: что нарративные подходы к изучению парламентаризма рассматривают в качестве основных функций нарративов в парламентских дебатах и какие ключевые категории нарративных стратегий могут быть выделены в рамках анализа парламентской коммуникации?

Дискурсивные монополии и нарративная составляющая выработки политической повестки

Дискурсивные подходы рассматривают процесс коммуникации не только в качестве инструмента, который позволяет индивидуам находить общий язык и обсуждать проблемы, но и как основу любой политической деятельности, задающую рамки дискуссии, характер приоритетов и основы самой государственной политики [Habermas, 1987]. Политические дебаты, включающие или исключаящие специальную терминологию, создание запоминающихся образов и политических мифов, различные практики убеждения и ведения переговорного процесса, оспаривание общепринятых концепций – все это связано с дискурсом или опирается на него. Язык создает рамки для коммуникации, но должен быть правильно считан, что в свою очередь указывает на значимость интерпретаций. Интерпретация, в свою очередь, требует пристального внимания к

текстовой коммуникации, так как она более устойчива, чем вербальная коммуникация.

Парламентский процесс может служить упорядочиванию этих дискурсивных практик через выработку политической повестки дня – тем и вопросов, которые позиционируются как наиболее актуальные. Парламент обладает возможностью расставлять приоритеты через осуществление законодательной деятельности, утверждение бюджета, контроль над деятельностью правительства и благодаря своей делиберативной функции [Huber et al., 2022]. Политическая повестка дня формируется как с опорой на подробное обсуждение альтернатив, прояснение социальных и политических смыслов конкурирующих предложений и выбор наиболее подходящей из них, так и с использованием эмоциональных аргументов, драматизации и апелляции к традициям, ценностям и плохо операционализируемым концепциям. Использование эмоций, таких как страх, надежда, отвращение, сострадание или разочарование, – это элемент производства знания, задающего тон для интерпретации каких-то событий или решений [Zittoun, Durnova, Cooper, 2013].

С помощью повествования, которое формируется историями-нарративами акторы добиваются контроля над дискурсом. Языковая игра становится игрой власти, в которой участники не просто обмениваются аргументами, чтобы убедить и переубедить оппонентов, но и навязывают свои интерпретации другим. В разрезе парламентского процесса – это отнюдь не только дискуссия о том, как решать проблемы, но и во многом объяснение того, кто способен их легитимно решать, и каким образом это допустимо обсуждать и делать [Durnova, Fischer, Zittoun, 2016]. Контроль над дискурсом приводит к формированию дискурсивных монополий, которые играют важную роль в осуществлении политической власти, а парламентские дебаты могут выступать их проявлением, так как они фиксируют степень разногласий относительно обсуждаемых проблем. При низком уровне разногласий и отсутствии существенных разночтений в трактовке ситуации можно говорить о наличии дискурсивной монополии и закрепленной политической повестки. Повестка, в свою очередь, задает дальнейший тон обсуждениям, где интерпретации в целом схожи, но способны конкурировать в специфических, более узких аспектах. Так, во время дебатов 2022 г. о политике США в отношении Украины среди

американских парламентариев существовал консенсус о том, что не следует выступать за такие варианты, как переговоры между Россией и Украиной или какие-то уступки России. Основная позиция включала разные варианты комбинаций давления на Россию, необходимость санкций, без серьезного обсуждения их эффекта, и оказание военной помощи Украине. При этом определение проблем, причинно-следственный анализ и моральные оценки были однородными. Однако между выбранными способами решения проблемы существовали разногласия, которые оспаривались из-за разных наборов фактов и оценок потенциальных решений и мер поддержки Украины [The United States and Allies Provide Military and Intelligence Support to Ukraine, 2022]. Любая критика, выходящая за рамки общепринятой позиции о защите и поддержке Украины, нарушала границы сложившейся монополии, а значит, вряд ли могла повлиять на осуществляемую политику. Такие взгляды считались маргинальными, незаслуживающими внимания и противоречащими американским интересам (на украинские интересы акцент не делался, а точнее, американский интерес и украинский интерес считались тождественными). Соответственно, они могли завоевать мало приверженцев и оказать незначительное влияние на общественное мнение, а значит, в 2022 г. и в большей части 2023 г. парламентарии не испытывали давления, чтобы расширить рамки и включить в них другие способы разрешения конфликта, например переговоры или сокращение объемов помощи [Huizen, van den Bulck, 2024]. В конце 2023 г. эта монополия оказалась разрушена из-за целого ряда факторов, и теперь мы можем наблюдать конкурирующие нарративы, которые серьезно расширяют масштаб дискуссии и включают привязку финансовой и военной поддержки Украины к внутривнутриполитическим вопросам самих США [Chivvis, 2024]. Меняющиеся политические убеждения (ценности или идеологии) находят отражение в тех нарративах, которые задействованы в обсуждении. Отсутствие значимых расхождений может свидетельствовать о сформированной «дискурсивной монополии» или о том, что какой-то нарратив стал настолько привычным, что превратился в общепринятое знание. Серьезные противоречия и расхождения говорят о возникающей или существующей нестабильности, могут быть сигналами политического кризиса или поляризации внутри парламента.

Политические нарративы и парламентский процесс

Нарратив имеет объясняющую природу – это не просто изложение некоторых событий, но и их толкование, включающее причины, следствия и общую логику описываемых событий [Порошков, 2022]. Это средство упаковывания конкретных идей и смыслов, которые призваны объяснить реальность, в том числе политическую. Его ценность с точки зрения повествования заключается в том, что он не просто обозначает какие-то ценностные или утилитарные ориентиры, но и рассказывает о них, имеет сюжет и может как нагнетать напряжение, так и разрядить его. Кроме того, являясь одним из инструментов политического дискурса, нарратив естественным образом тяготеет к сказке или мифу. Хорошая история с сюжетом может иметь в основе некоторые неоспариваемые, фундаментальные положения, призванные не только выразить идеологическую позицию по отношению к вопросу или проблеме, но и преподнести это в удобной и считываемой форме [Завершинский, 2015]. Именно поэтому для политических акторов инструмент нарратива выступает элементом позиционирования себя в той конструируемой реальности, которую они хотят преподнести своей аудитории. Кроме того, это еще и средство воздействия на политическое сознание и поведение оппонентов, сторонников и просто широких общественных масс, которые могут склониться в ту или иную сторону. Осознанное комбинирование разных элементов нарратива для конструирования наиболее подходящей в данный момент истории можно охарактеризовать как нарративную (или аргументативную) стратегию.

Под политическим нарративом понимается совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события [Шейгал, 2007]. Отличительные черты политического нарратива – это наличие в повествовании контекста, связанного с проблемами политики и одного или нескольких задействованных персонажей [Shanahan et al. 2013]. Чтобы быть последовательными и иметь потенциал к убеждению, политические нарративы должны иметь сюжет, который структурирует отношения между элементами повествования и приводит причинно-следственные объяснения той или иной ситуации [Jones, McBeth, 2010], определяющие его правдоподобность. Такие истории окружают нас повсюду и дают объяснение

того, как устроен мир. Более того, эти объяснения часто воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. В политических дебатах нарративы могут формировать наше восприятие проблемы и апеллировать к нашим эмоциям, поскольку они дают нам надежду на то, что ситуация, которая ведет общество к упадку или игнорируется текущей политикой, может быть взята под контроль и решена положительным образом. Кроме того, они могут иметь разную степень «живучести»: какие-то могут стабилизироваться и оставаться относительно неизменными с течением времени, а другие – находиться в процессе адаптации к меняющейся обстановке или исчезнуть перед лицом более резонансных нарративов [Miller, 2020].

При такой постановке вопроса парламент является точкой концентрации делиберативного процесса – местом, где озвучиваются конкурирующие нарративы, служащие инструментом борьбы за формирование повестки и распределение государственных ресурсов. В первую очередь, мы говорим о регламентированном и упорядоченном процессе, дебаты и голосования следуют заданным правилам, а значит, специфика парламентских нарративов должна проявляться в тех функциях, которые они могут эффективно выполнять. Полномочия, структура, регламент – все это важные характеристики для анализа деятельности парламента так же, как и партийная принадлежность, состав правящей коалиции, степень организованности оппозиции и т.п. Вопросы структуры и контекста преломляются в тех нарративах и стратегиях, которые парламентарии используют в своих выступлениях и заявлениях. Исходя из существующей российской и зарубежной академической литературы, можно выделить основной функционал нарративов в парламентском процессе и парламентских дебатах в частности.

1. Функция постановки вопроса: парламентарии используют нарративы для того, чтобы выстроить дебаты, представив свою позицию в формате убедительного рассказа. Тем самым они определяют проблему, ее причины и возможные решения таким образом, чтобы это соответствовало разделяемой ими политической программе или идеологии [Bächtiger, 2014; Boswell, 2013]. Такое представление может повлиять на восприятие проблемы другими парламентариями и общественностью, формируя дискурс вокруг проблемы.

2. Функция персонализации и гуманизации: в нарративах часто используются личные истории или примеры из жизни, чтобы

очеловечить влияние политики или проиллюстрировать реальные последствия различных законодательных предложений [Stone, 2012; Wodak, 2009]. Связывая политику с личным опытом или эмоциями, парламентарии могут сделать свои аргументы более понятными и осязаемыми, привлекая внимание и сопереживание со стороны аудитории.

3. Функция выстраивания коалиций: парламентарии используют нарративы для создания коалиций и укрепления поддержки отстаиваемых позиций [Dryzek, 2010; Steiner et al, 2005]. Используя нарративы, которые резонируют с ценностями и интересами своих коллег или целых политических партий, они могут привлечь союзников и создать единый фронт в поддержку разделяемой позиции.

4. Функция выстраивания контекста: нарративы также используются для привязки позиций и предложений к текущему или историческому контексту и аргументации преемственности политического курса или законодательных изменений [Ercan, 2015; Ilie, 2015; Jacobs, Sobieraj, 2007]. Подкрепляя свои аргументы интерпретациями исторических фактов или недавних событий, парламентарии повышают легитимность своих предложений и демонстрируют их связь с устоявшимися традициями, ценностями или прошлыми успехами.

5. Функция оспаривания нарративов оппонентов: в ходе дебатов парламентариям необходимо также и оспаривать нарративы, выдвигаемые их оппонентами [Bächtiger, 2014, Dryzek, 2010]. Это может включать в себя деконструкцию или предоставление альтернативных интерпретаций нарративов оппонентов, подчеркивание противоречий, несоответствий или потенциальных негативных последствий предлагаемых ими решений.

6. Функция эмоциональной и/или ценностной связи: нарративы часто апеллируют к эмоциям и ценностям, стремясь вызвать в ходе парламентских дебатов сопереживание, возмущение, надежду или другие сильные чувства [Ilie, 2015; Wodak, 2009]. Согласовывая свои нарративы с эмоциональным и моральным состоянием аудитории, парламентарии могут заручиться дополнительной поддержкой или спровоцировать неприятие позиций своих оппонентов.

Список этих функций, безусловно, не закрыт и требует дальнейшей доработки с упором на сравнительные страновые исследования. Тем не менее существует определенная степень универсальности рассматриваемого функционала нарративов [De Fina,

Georgakopoulou; 2010; Jones, McBeth, 2010], что делает его использование релевантным независимо от специфики парламентской системы (хотя и с некоторыми допущениями). В рамках изучения парламентского дискурса есть количественные подходы по изменению его качества с применением таких индикаторов, как обоснованность позиций, использование рациональных аргументов, соответствие процедуре, уважение к оппоненту. На этой базе разработан специальный «Индекс качества дискурса» [Steenbergen et al., 2003], который периодически применяется исследователями, тем не менее Девиль и Лорд отмечают, что он так и не стал общепризнанным инструментом анализа [Deville, Lord, 2020].

Нарративные стратегии в парламентском процессе

Процесс коммуникации – это во многом процесс конструирования социальной реальности, который, как отмечал Леви-Стросс, происходит в формате «бриколажа» – работы со всеми имеющимися под рукой средствами [Levi-Strauss, 1968]. Представим себе конструктор «Лего», где перемешаны детали от разных наборов и нет инструкции к сборке. Потенциально с помощью этих деталей мы можем собрать почти что угодно, хотя конструкция может быть не самой оптимальной, а какие-то блоки будут не сочетаться по цвету или по своей форме.

Политическая коммуникация, а именно процесс обсуждения политики, происходит в схожем формате. В отсутствие инструкций и явного понимания некой идеальной модели политики сложно рассматривать возможность получения объективного знания о ней [Durnova, Fischer, Zittoun, 2016]. Процесс формирования политики, в первую очередь, является фундаментально конфликтным и осуществляется через убеждения, смыслы и аргументацию. В некоторых случаях конфликт из дискурсивной плоскости может перейти и в силовую, но даже это не означает исключения дискурсивных практик и конкуренции нарративов. Политические акторы спорят не только о подходах к решению проблем и самом понимании того, что должно считаться проблемой, но и о степени упорядоченности / неупорядоченности общества, которое они хотят изменить. Государственные органы и политики используют нарративные (аргументативные) стратегии, которые объясняют это

состояние взаимодействия порядка и беспорядка, вычленяют наиболее проблематичные элементы и описывают варианты решения проблем [Zittoun, Durnova, Cooper, 2013]. Формулирование и конкуренция между стратегиями, в которых акторы задают смысл, связывая различные понятия, которые не обязательно связаны «естественно» или «логично», – это языковая игра, конструирующая социальную реальность. В ее ходе, акторы пытаются придать смысл своим предложениям, называя и ассоциируя их с проблемами и желаемыми результатами, тем самым обрисовывая более широкую картину желаемого будущего.

Нарративные стратегии должны иметь определяемые атрибуты – элементы, которые можно количественно или качественно проанализировать. Это может быть злоупотребление какими-то терминами или примерами, использование определенных персонажей или сюжетов, степень эмоциональной окрашенности речи или разница в акцентах на саму проблему, ее причины, решение. Ключевым моментом здесь является то, что нарративные элементы можно выделить и кодировать, что служит базой для дальнейшего анализа и интерпретаций. Например, парламентские обсуждения пенсионной реформы в разных странах, несмотря на схожесть проблематики, отнюдь не идентичны. Есть отличия в составе стейкхолдеров, особенностях политического режима и интенсивности самих дебатов. Тем не менее, несмотря на различия в контексте, и то, что не существует единой классификации нарративных стратегий, наблюдается достаточно значимый уровень их универсальности на уровне базовых элементов, таких как персонажи, сюжет, степень эмоциональности и мораль истории [Crow, Lawlor, 2016].

Концептуализация нарративных стратегий для анализа парламентского процесса представлена в литературе достаточно широко. Например, Н. Труан делает акцент на их использовании для формирования образа парламентария как «консервативного», «прогрессивного», «открытого к диалогу» или «выступающего против истеблишмента» [Tuan, 2021]. Другие исследователи предлагают разделять «деструктивные» и «конструктивные» типы стратегий в парламентских дебатах [Универсальный характер..., 2016]. Н. Кондратенко, А. Киселёва и Л. Завальская [Kondratenko, Kiselova, Zavalska, 2020], развивают эту идею и формулируют более подробное разграничение возможных стратегий. Они выделяют

две базовые стратегии: «конфликтную» и «кооперативную», которые, в свою очередь, делятся на подтипы.

Конфликтные стратегии сочетают в себе высокую степень конкурентности, отсутствие дискурсивной близости и проявления вербальной агрессии разной степени. Их задача состоит в обеспечении победы над оппонентом, демонстрации преимуществ своей позиции и подчеркивании недостатков позиции оппонента. Тем не менее даже конфликтное взаимодействие может привести к принятию конструктивных решений, поскольку в результате дискуссии оппоненты могут учесть аргументы друг друга или осознать, что их нарративная стратегия была неудачной.

В рамках конфликтной стратегии эти авторы выделяют три субстратегии. Первая из них – декларативная, она подчинена функции самопрезентации коалиции, партии или парламентария. В этой стратегии говорящие прибегают к использованию очень общих аргументов, декларативных утверждений, разного рода трюизмов и призывов к совместной работе и сотрудничеству без конкретных предложений и конструктивной критики. Вторая из них – конфронтационная стратегия, которая предполагает деструктивное коммуникативное поведение, дискредитацию собеседников, отрицание дискурсивной близости и обвинение оппонентов. Третья стратегия – аргументативно-критическая, опирается на предметную и рациональную критику или опровержение позиции оппонента. Она строится на объяснении рисков, негативных последствий или отсутствия реалистичной возможности воплотить какие-то предложения в жизнь.

Кооперативные стратегии нацелены на достижение консенсусных решений, поиск дискурсивной близости и рассчитаны на эффективность. В парламентских дебатах кооперативные стратегии направлены на продуктивное обсуждение политических и законодательных вопросов, достижение согласия между парламентариями и сближение позиций. Первая субстратегия в этой категории – регулятивная. Она ставит во главу угла формальные процедуры и процесс, например порядок проведения парламентских слушаний и дебатов. Эта стратегия наименее «нарративная» из всех, так как опирается на правила, а не на содержательные характеристики дебатов. Тем не менее она важна, так как позволяет обеспечивать коммуникацию и утверждает делиберативные принципы: модерирование выступлений председателем, их чередование,

временные рамки и уважительное отношение к другим участникам. Вторая субстратегия – информативная, она направлена на информирование парламентариев о новой или неучтенной информации и подается как выступление, обобщающее предыдущие обсуждения и расставляющее акценты на каких-то фактах или событиях. Эта стратегия особенно актуальна при обсуждении законопроектов в профильных комитетах через представителей-депутатов. Наконец, консолидирующая стратегия, которая больше всего нацелена на сближение позиций и консенсус, делает акцент на преимуществах сотрудничества, сближении позиций и выражении поддержки [Kondratenko, Kiselova, Zavalska, 2020].

Наталья Мельничук в своей работе по стратегиям ведения парламентских дебатов на примере немецкого бундестага выявляет четыре стратегии, которые распределяются по двум категориям [Мельничук, 2019]. К категории полярных исследовательница относит стратегию дискредитации, которая отвечает задачам деструктивной макростратегии и стратегию компромисса, которая относится к задачам конструктивной макростратегии. Амбивалентными автор называет стратегии самопрезентации и манипуляции. Проведенный ею анализ показывает, что в Бундестаге большинство парламентариев используют полярную стратегию дискредитации, которая реализуется через обвинения оппонентов, правительства или каких-то других сторон. Заметим, что в проанализированных дебатах данная стратегия часто реализовывалась вместе со стратегией самопрезентации, что говорит о низком уровне дискурсивной близости в парламенте.

Другой, более универсальный, набор нарративных стратегий разработан в рамках теории структуры нарративной политики (ТСНП). Из-за дискурсивной вариативности и разной степени влияния социокультурного и политического контекстов выделение универсальных нарративных стратегий, обладающих операционализируемыми характеристиками, становится крайне важным. ТСНП позволяет систематически изучать вариативность содержания стратегий, которые используют нарративные элементы [Jones, McBeth, 2010, Подшибякина, 2021]. Возвращаясь к примеру с пенсионной реформой, можно говорить о том, что нарративные стратегии, используемые в различных политических контекстах, будут похожи. Например, сторонники пенсионной реформы, скорее всего, будут использовать истории, которые концентрируются на том,

что потенциальные издержки от status quo приведут к сокращению пенсий, истощению пенсионных фондов ухудшению финансового благополучия как пенсионеров, так и тех, кто пенсионерами еще не являются. Противники, напротив, скорее всего, будут утверждать, что выгоды от реформы минимальны, а вот издержки и риски очень значительны, текущий уровень производительности труда позволяет сохранить пенсионный возраст, а проблемы демографии могут быть решены внедрением новых технологий. Изучение этих нарративов через политические убеждения (например, транслируемые правыми и левыми политическими партиями) может дополнительно прояснить их схожесть в разных странах. В частности, показать, что противники пенсионной реформы последовательно выступают за социальное государство, защиту прав трудящихся и государственное регулирование сектора. Сторонники больше говорят о целесообразности, преимуществах рыночного подхода и необходимости сокращения государственных расходов. ТСНП выделяет несколько основных типов нарративных стратегий, используемых в обсуждении политики: масштаб конфликта, «демонизация» и «героизация», а также причинно-следственный механизм.

«Демонизация» – это риторический прием, который концентрируется на описании представителей или некоторых ключевых фигур противоборствующей коалиции как особенно могущественных, злых и порочных персонажей [Sabatier Hunter, McLaughlin, 1987]. Эта нарративная стратегия служит для драматизации дебатов и перевода их в более эмоциональную плоскость, разоблачения своих оппонентов и/или злоупотреблений властью, а также для деморализации противостоящей коалиции. В свою очередь, «героизация» фокусируется на «прославлении» членов собственной коалиции, представляя их в выгодном свете и изображая их героями. Эта стратегия служит для усиления мотивации, обеспечения общественной поддержки и демонстрации уверенности членов коалиции. Можно ожидать, что выигрывающие коалиции будут чаще использовать в своих нарративах стратегию героизации, в то время как проигравшие коалиции могут больше полагаться на демонизацию. Однако существующие исследования демонстрируют противоречивые результаты, в некоторых случаях соответствуя этим ожиданиям, а в других – нет [Merry, 2019; Schlauffer et al., 2022; Shanahan et al., 2013].

В зависимости от уровня общественной поддержки, ресурсов и преимущества своего положения, акторы могут стремиться к достижению консенсуса или расширению конфликта. В литературе встречается следующая модель такого поведения: проигрывающие группы расширяют масштабы проблемы, а те, кто выигрывает, стремятся сдержать конфликт и сохранить status quo [Baumgartner, Jones, 2009; Schattschneider, 1960]. Модель расширения конфликта предполагает, что распределение власти между двумя сторонами конфликта определяет ход и результат изменения политики. Если проигрывающая группа хочет укрепить свои позиции, наиболее эффективным способом будет привлечение внимания общественности и расширение конфликта. В процессе сдерживания конфликта вовлеченные акторы будут использовать нарративы таким образом, чтобы снизить накал дискуссии, размыть возможные издержки и сосредоточиться на выгодах существующего или предлагаемого политического решения. Нарративные стратегии расширения конфликта подчеркивают драматические стороны проблемы; они используют более символический язык и пытаются связать дебаты с более масштабными, более противоречивыми вопросами, фокусируясь на издержках и возможных сложностях [Gupta, Ripberger, Collins, 2014; Shanahan et al., 2017].

Стратегия каузального механизма основана на причинно-следственной связи, ведущей к возникновению политической проблемы. Обычно она подразумевает описание причинно-следственных механизмов, данное Д. Стоун [Stone, 2012], где они бывают преднамеренными, непреднамеренными, механическими и случайными. В историях с преднамеренной причинно-следственной связью персонажи-злодеи целенаправленно создают проблемы; в случайных проблема возникла не намеренно, а по стечению обстоятельств; в непреднамеренных непредвиденные внешние факторы привели злодея к созданию проблемы; а в механических проблемы имеют системную природу и являются атрибутом сложившегося порядка вещей. Такие стратегии более всего концентрируются на объяснении существующей ситуации и вопросах ответственности за провалы и неудачные решения.

Несмотря на свой высокий конфликтный потенциал, нарративные стратегии могут рассматриваться и как взаимодействие, которое формирует консенсус между акторами. Акторы выстраивают коалиции, создают политические союзы по принципу

дискурсивной близости своих позиций. Арена формирования политики – это пространство, где множество противоречивых и конфликтующих стратегий находится в постоянном противоборстве. За этими стратегиями стоят индивиды, заинтересованные в продвижении своей повестки и склонению других акторов либо к ее принятию, либо к приемлемому компромиссному варианту. В таких условиях любые коллективные действия, такие как создание коалиции в поддержку того или иного предложения, никогда не бывают естественными, очевидными или нейтральными; напротив, они всегда трудны, затратны и являются результатом деятельности акторов, которые согласны тратить силы и ресурсы на привлечение других. В этой связи то, что мы определяем как «дискурсивную близость», является основой системы распознавания и выстраивания взаимодействий. Схожесть интерпретаций проблем и решений, близкая техника выстраивания бриколажа являются той основой, которая связывает членов коалиций. В то же время коалиция – это средство, с помощью которого можно генерировать консенсус, придавая смысл новым предложениям на основе уже существующей близости позиций.

Заключение

Практически всякое обсуждение политики включает в себя повествовательную составляющую. Не важно, имеем ли мы в виду дебаты в парламенте, заседания правительственных комиссий, официальные заявления политиков, или более неформальные обсуждения в СМИ, социальных сетях и блогах. Все эти площадки транслируют нарративы, которые напрямую воздействуют на политический процесс на разных этапах: при формулировании и принятии политических решений, их реализации, оценке. В этой работе мы обращаемся к нарративному анализу, функциям нарративов и существующим подходам к описанию нарративных стратегий, используемых парламентариями. Здесь можно выделить широкий спектр процессов, которые могут рассматриваться с помощью концентрации на их нарративных составляющих: это вопросы смены приоритетов и колебаний политической повестки, доминирование тех или иных ценностных установок при обсуждении проблем, особенности выстраивания аргументации с большим

или меньшим уклоном в «скучные» узкоспециальные вопросы или же противоречивые, чувствительные темы. Выделенные в работе функции политических нарративов и рассмотренные подходы к концептуализации нарративных стратегий могут выступать как задел для будущих, более системных исследований.

Опираясь на универсальность используемых в них нарративных элементов, мы можем давать оценку качеству парламентского процесса и выявлять проблемы, связанные с ростом поляризации, чрезмерной политизацией или существующими институциональными практиками. С помощью анализа формирования дискурсивных монополий и оценки распространенности отдельных нарративных стратегий открывается потенциал для более подробного объяснения процессов, изучаемых в рамках институционального или нормативного подходов. Например, если наблюдается явная диспропорция в сторону более деструктивных и конфликтных стратегий, а также прослеживается динамика роста их использования по годам, то можно более точно описать кризисные тенденции или уровень институциональной стабильности. Политизация дебатов и степень поляризации мнений также могут быть измерены на основе используемых нарративных элементов. Нарративный анализ, примененный к парламентскому процессу, предлагает рабочую основу для описания техник повествования, направленных на сужение или расширение конфликта, атрибутирование или размытие издержек и специфики взаимодействия с разными аудиториями по разным категориям проблем. Подчеркивая дискурсивную природу целеполагания и смыслообразования, а также роль повествования в парламентских дебатах, этот подход предоставляет достаточно широкий и гибкий инструментарий для создания инструментов оценки качества парламентских процессов и моделей дискурсивного внутрипарламентского взаимодействия.

Тем не менее подход нуждается в дальнейшей доработке, имея ряд значимых ограничений. Анализ нарративных стратегий и стилистических характеристик парламентских дискуссий требует развития, в особенности на уровне сравнительных кросс-национальных исследований. Многие вопросы, касающиеся взаимосвязи политического контекста и формирования нарративных стратегий, остаются открытыми. В целом макроуровень такого анализа нуждается в адекватной концептуализации и теоретических обоснованиях. Методологические аспекты работы с нарративами, даже при

использовании ТСНП и чисто количественных подходов к анализу нарративных элементов, страдают от субъективности интерпретаций и некоторой размытости границ категорий при кодировании текстовых данных.

A.A. Uldanov*

**Policy narratives in parliamentary debates:
approaches to analyzing narrative elements,
functions, and strategies¹**

Abstract. Parliament is a place where competing narratives are voiced. This institution serves as a platform in the struggle to shape the political agenda and allocate public resources. The narratives at play include a plot, characters, references to current events and a moral of the story that points to a solution to a problem. The way they are framed and presented can influence the setting of political priorities, the allocation of responsibilities and the formulation of solutions. By examining their use in parliamentary debates, we can reveal how consensus is built or destroyed among parliamentarians, and how discursive monopolies that set the tone for the very format of discussion of actions or events are formed. This article examines approaches to the narrative analysis of the parliamentary process, explains the functions of political narratives in parliamentary debates, describes their significance for the formation of the political agenda, and highlights the main narrative strategies used in parliamentary debates.

Based on existing studies presented in foreign and Russian literature, this paper points out that the study of narratives used in parliamentary processes offers a functional framework for analyzing the polarization and politicization of issues on the agenda. It could help to identify established discursive monopolies and strategies of interaction between parliamentarians and different audiences on different categories of issues. By emphasizing the discursive nature of agenda-setting and meaning-making, as well as the role of narrative in parliamentary debates, an attempt is made to identify those basic narrative elements and strategies that can serve as a basis for creating tools to assess the quality of parliamentary processes and models of discursive intra-parliamentary interactions.

Keywords: parliamentarism; parliamentary debates; policy narratives; discourse; strategic narrative construction; political processes.

For citation: Uldanov A.A. Policy narratives in parliamentary debates: approaches to analyzing narrative elements, functions, and strategies. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 66–86. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.03>

---

* **Uldanov Artem**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: auidanov@hse.ru

¹ The research was supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

References

- Alferov A.V., Kustova E.Y., Chervony A.M. The study of parliamentary discourse 2014–2016: outcomes of conceptualization. *Politicheskaya lingvistika*. 2016, Vol. 59, N 5, P. 10–16. (In Russ.)
- Bächtiger A. Debate and deliberation in parliament. In: Martin S., Saalfeld T., Ström K. (eds). *The Oxford handbook of legislative studies*. Oxford: Oxford university press, 2015, P. 145–66.
- Baumgartner F., Jones B. *Agendas and instability in American politics*. Chicago: University of Chicago press, 2009, 368 p.
- Belova V.F., Ziubina I.A., Lesnyak M.V., Matveeva G.G. The universal nature of communicative strategies in parliamentary debates. *Politicheskaya lingvistika*. 2016, Vol. 53, N 3, P. 53–60. (In Russ.)
- Boswell J. Why and how narratives matter in deliberative systems. *Political studies*. 2013, Vol. 61, P 620–636. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00987.x>
- Chivvis C. America Needs a Realistic Ukraine Debate. *Survival*. 2024, Vol. 66, N 1, P. 25–40. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2309071>
- Crow D., Lawlor A. Media in the policy process: using framing and narratives to understand policy influences. *Review of policy research*. 2016, Vol. 33, P. 472–491. DOI: <https://doi.org/10.1111/ropr.12187>
- De Fina A., Georgakopoulou A. Analysing narratives as practices. *Qualitative research*. 2008, Vol. 8, N 3, P. 379–387. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794106093634>
- Deville M., Lord C. Parliaments as places of discourse. In: Cyril B., Rozenberg O. (eds). *Handbook of parliamentary studies*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2020, P. 465–478. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781789906516.00036>
- Dryzek J. Rhetoric in democracy: a systematic appreciation. *Political theory*. 2010, Vol, 38, N 3, P 319–39. DOI: <https://doi.org/10.1177/0090591709359596>
- Durnova A., Fischer F., Zittoun P. Discursive approaches to public policy: politics, argumentation, and deliberation. In: Peters B., Zittoun P. (eds.) *Contemporary approaches to public policy. International series on public policy*. London: Palgrave Macmillan, 2016, P. 35–56. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-50494-4_3
- Ercan, S. Creating and sustaining evidence for ‘failed multiculturalism’: The case of ‘honour killing’ in Germany. *American Behaviour Scientist*. 2015, Vol. 59, N 6, P. 658–78.
- Fenton-Smith B. Discourse structure and political performance in adversarial parliamentary questioning. *Journal of language and politics*. 2008, Vol. 7, N 1, P. 97–118. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.7.1.05smi>
- Fischer F., Forrester J. *The argumentative turn in policy analysis*. Durham, N.C.: Duke university Press, 1993, 336 p.
- Gupta K., Ripberger J., Collins S. The strategic use of policy narratives: Jaitapur and the politics of siting a nuclear power plant in India. In: Jones M.D. Shanahan E.A., McBeth M.K. (eds). *The science of stories*. New York: Palgrave Macmillan, 2014, P. 89–106. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137485861_5
- Habermas J. *The theory of communicative action*. Vol. 2: Lifeworld and system: A critique of functionalist reason. Boston, MA: Bacon Press, 1987, 463 p.

- Hajer M. *The politics of environmental discourse: ecological modernization and the policy process*. Oxford, UK: Oxford university Press, 1995, 344 p.
- Huber L., Bodlos A., Graf E., Meyer T. Disseminating legislative debates: how legislators communicate the parliamentary agenda. *Party politics*. 2022, Vol. 28, N 2, P. 365–376. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068820982555>
- Hyzen A., Van den Bulck H. 2024. “Putin’s War of Choice”: U.S. Propaganda and the Russia – Ukraine Invasion. *Journalism and Media*. 2024, Vol. 5, N 1, P 233–254. DOI: <https://doi.org/10.3390/journalmedia5010016>
- Jacobs R., Sobieraj S. Narrative and legitimacy: U.S. congressional debates about the nonprofit sector. *Sociological theory*. 2007, Vol. 25, N 1, P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2007.00295.x>
- Jones M.D., McBeth M.K. A narrative policy framework: clear enough to be wrong? *Policy studies journal*. 2010, Vol. 38, N 2, P. 329–353. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2010.00364.x>
- Ilie C. Parliamentary discourse. In: Tracy K. (ed.). *The International encyclopedia of language and social interaction*. Oxford, UK: Wiley Blackwell, 2015, P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi201>
- Ilyin M. Linguistic turns: chances lost and affordances regained. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 11–37. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.01> (In Russ.)
- Kondratenko N., Kiselova A., Zavalska L. Strategies and tactics of communication in parliamentary discourse. *Studies about languages*. 2020, N 36, P. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.36.23401>
- Levi-Strauss C. *Structural Anthropology*. London: Allen Lane, 1968, 432 p.
- Malinova O.Y. Symbolism and the transformation of the national historical narrative in postsoviet Russia. In: *Routledge handbook of Russian politics and society*. 2nd ed. London: Routledge, 2022, P. 377–387. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003218234-37>
- Merry M. Angels versus devils: the portrayal of characters in the gun policy debate. *Policy studies journal*. 2019, Vol. 47, N 4, P. 876–898. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12207>
- Melnichuk N.V. *Constructive and destructive speech interaction in argumentative discourse*. dis. Cand. of philol. Sci. Kaluga, 2019, 167 p. (In Russ.)
- Miller H. Policy narratives: the perlocutionary agents of political discourse. *Critical policy studies*. 2020, Vol. 4, N 4, P. 488–501. DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2020.1816483>
- Podshibyakina T.A. Narrative politics: theory and discursive practices. *Political science issues*. 2021, Vol. 11, N 7, P. 1968–1980. (In Russ.)
- Poroshkov M.M. Constructing political Narratives as a tool of political discourse for the development of ideological concepts and ideologies: problems of theory and practice. *Sociodynamics*. 2022, N 4, P. 72–84. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.4.37692> (In Russ.)
- Pravikova L.V. *The language of parliamentary debates (experience of a systematic description of the discourse on terrorism in the US Congress and the UK Parliament)*. dis. Dr. Sci. of philol. Pyatigorsk, 2005, 425 p. (In Russ.)
- Sabatier P., Hunter S., McLaughlin S. The devil shift: perceptions and misperceptions of opponents. *Political research quarterly*. 1987, Vol. 40, N 3, P. 449–476.

- Schattschneider E. *The semi-sovereign people*. New York: Holt, Rinehart, & Winston, 1960, 180 p.
- Schlauffer C., Kuenzler J., Jones M.D., Shanahan E.A. The narrative policy framework: a traveler's guide to policy stories. *Politische Vierteljahresschrift*. 2022, Vol. 63, N 2, P. 249–273. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11615-022-00379-6>
- Shanahan E., Jones M., McBeth M., Lane R.R. Narrative Policy Framework. *Policy studies journal*. 2013, N 41, P. 453–483. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12025>
- Shanahan E.A., Jones M.D., McBeth M.K., Radaelli C.M. The narrative policy framework. In: Weible C.M., Sabatier P.A. (eds). *Theories of the policy process*. New York: Westview Press, 2017, P. 173–214.
- Sheigal E.I. Multifaceted narrative. *Politicheskaya lingvistika*. 2007, Vol. 22, N 2, P. 86–93. (In Russ.)
- Steenbergen M.R. Bächtiger A., Spörndli M., Steiner J. Measuring political deliberation: a discourse quality index. *Comparative European politics*. 1993, N 1, P. 21–48.
- Steiner, J, Bächtiger A., Spörndli M., Steenbergen M.R. Understanding the Real World of Deliberation: Hypotheses about Antecedents and Consequences. In *Deliberative Politics in Action: Analyzing Parliamentary Discourse*, Cambridge: Cambridge University Press, 2005, P. 74–97.
- Stone D. *Policy paradox: The art of political decision making*. 3 rd ed., revised Edition. New York: W.W. Norton, 2012, 416 p.
- The United States and Allies Provide Military and Intelligence Support to Ukraine. *American Journal of International Law*. 2022, vol. 116, N 3, P. 646–52. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2022.31>.
- Truan N. Narratives of dialogue in parliamentary discourse constructing the ethos of the receptive politician. *Journal of language and politics*. 2021, Vol. 20, N 4, P. 563–584. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.20018.tru>
- Tulchinskii G.L. Three narratives of political science: perspectives of interdisciplinary political studies. *Political Expertise: POLITEX*. 2019, Vol. 15, N 2, P. 174–200. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.202> (In Russ.)
- Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. London: Palgrave Macmillan, 2009, 252 p.
- Zavershinsky K.F. Political myth in symbolic practices of power communications: theoretical explanations. In: Malinova O. Yu. (ed.). *Symbolic politics: Collection of articles*. Moscow: RAS. INION, 2015, P. 92–107. (In Russ.)
- Zittoun P., Durnova A., Cooper J. Discursive Approaches to Public Policy: Introduction. *Revue Française de Science Politique (English Edition)*. 2013, Vol. 63, N 3–4, P. 85–93.

Литература на русском языке

- Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Червоний А.М. Исследование парламентского дискурса 2014–2016 гг.: концептуализация итогов // Политическая лингвистика. – 2016. – Т. 59, № 5. – С. 10–16.

- Белова В.Ф., Матвеева Г.Г., Лесняк М.В., Зюбина И.А.* Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. – 2016. – Т. 57, № 3. – С. 53–60.
- Завершинский К.Ф.* Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. колл.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 92–107.
- Ильин М.В.* Лингвистические повороты: упущенные шансы и наличные возможности // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 11–37. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.01>
- Мельничук Н.В.* Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга, 2019. – 167 с.
- Подшибякина Т.А.* Нарративная политика: теория и дискурсивные практики // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 7. – С. 1968–1980.
- Порошков М.М.* Конструирование политических нарративов как инструмент политического дискурса для развития идеологических концептов и идеологий: проблемы теории и практики // Социодинамика. – 2022. – № 4. – С. 72–84. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.4.37692>
- Правинова Л.В.* Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в конгрессе США и Парламенте Великобритании): дис. ... д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2005. – 425 с.
- Тульчинский Г.Л.* Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 174–200. – <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.202>
- Шейгал Е.И.* Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. – 2007. – Т. 22, № 2. – С. 86–93.